

Бакланов В.И.
*кандидат исторических наук,
Институт государственного управления,
права и инновационных технологий,
г. Москва, Российская Федерация*

Эволюция политической культуры самодержавия и имперской идеи между Востоком и Западом в российской исторической традиции XV-XVIII веков

Сложившаяся в максимальных границах своего распространения Российская империя в XVIII-XIX веках представляла собой пример очень сложного многосоставного государственного образования, вбравшегося в себя этническо-племенные, конфессиональные и сословные элементы. Российская континентальная империя была уникальным многонародным евразийским сообществом культур, конфессий и цивилизаций, каждая из которых имела свой собственный цивилизационный и культурный код, и модус вивенди. Однако зарождение империи можно отнести уже к середине XVI века, когда во многом сложилось многокультурное и многоконфессиональное российское пространство, которое имело ряд специфических имперских признаков, но без имперской титулатуры и идеологии управления и целенаправленной имперской политики. Поэтому не будет ошибкой назвать этот период как период зарождения и своего рода младенчества российской империи.

Характерной особенностью зарождения этой империи явилось то, что стала складываться в рамках симбиоза двух государственных моделей и традиций: византийской и восточной (ордынской), но при господстве православной идентичности. При этом ордынская государственная модель сыграла в целом положительную роль в мягкой и достаточно гибкой и толерантной аккультурации народов и культур, вошедших в состав русского государства в XVI-XVII веках. Достаточно вспомнить, что обложение ясаком, народов Поволжья, Урала и Сибири, как наиболее мягкую форму подчинения завоеванных народов целиком заимствовано из ордынской традиции. Затем уже в XVIII-XIX веках, Россия стала заимствовать и западноевропейский культурный и политический опыт управления имперскими окраинами. В результате, российское имперское строительство вобрало в себя как восточные, так и западные (колониально-цивилизаторские) имперские традиции и технологии, которые и по сей день вызывает неподдельный интерес у всех исследователей имперского дискурса.

Западные и восточные традиции прослеживаются также и в монархической титулатуре и символике и регалиях российских правителей от Ивана III, до Петра I. Так, знаменитые, «шапка Мономаха», скипетр, держава, герб - двуглавый орел, имеют модификацию византийских и немецких изделий и символов¹. Европейская традиция власти проявлялась также в том что, начиная с Ивана III, российские монархи в своих посланиях к западным монархам всегда подчеркивали свое происхождение от римского «кесаря Августа», а не от Чингизидов.

Однако это обстоятельство отнюдь не мешало тому же Ивану III и Ивану IV, с большей почтительностью относиться к восточной титулатуре, чем к европейской. Причина проста. Так ханский титул приравнивался к царскому титулу, которым русские правители до Ивана IV, не обладали. Неслучайно, в дипломатических сношениях с крымским, или казанским ханами русские великие князья подписывались скромным титулом «великого князя», в то время как в сношениях с Западом (правителями немецких земель, датским королем и даже императором Священной Римской империи) те же великие князья, отправляли документы подписываясь под ними, гордым именем «царя» и «государя всея Руси»². Ситуацию с более низким статусом московских великих князей по отношению к чингизидами удалось исправить при Иване IV, когда в состав России впервые вошли огромные восточные территории с неславянским и тюркским населением бывшей Золотой Орды. Именно Ивану Грозному удалось захватить почти все татарские ханства, за исключением Крымского. Как описывает исследователь И. Ерофеева: «Завоевав Казань, Иван IV «снял» с казанского хана Едигера «порфиру царскую», привез «бусурманскую порфиру» в «каменну Москву», совершил ее церковное освящение православным обрядом, потом освященную «порфиру на себя наложил» и только после всех этих ритуальных действий «стал Грозный царь»². Интересно отметить, что на царство Иван IV венчался еще в 1547 году, а Казань была взята в 1552 году. Но здесь ошибки быть не может. Поскольку только лишь присоединение бывшей ордынской Казани окончательно узаконило царский титул Ивана, перед значимыми в глазах русских правителей восточных чингизидов. Присоединение указанных ханств к России обеспечило право

Ивану Грозному, длинный список своих титулов дополнить такими формулировками: «царь Казанский, царь Астраханский и Царь Сибирский». Эти формулировки должны были подчеркнуть равенство Ивана IV с высокородными чингизидами. Цель была достигнута. В какой-то степени православное московское государство стало наследником почти всей золотоордынской территории потомков Чингис-хана. Таким образом, в итоге, русские монархи получили двойную легитимность: от православной Византии и частично европейских монархий, с одной стороны и от азиатской Орды чингизидов, с другой.

Западные и восточные традиции самодержавной власти и титулатуры, дополняя друг друга, продолжали использоваться русскими монархами и в последующий период, причем в зависимости от адресата. Если в качестве адресата выступали восточные, тюркские подданные православного царя, то в переписке Москвы с ними и в обращении их к русскому царю указывался титул «белый царь», привычный для этих народов еще с эпохи господства Орды⁴. Но христианская, пусть и православная идентичность брала вверх, как только в качестве адресата для Москвы выступал Запад. И пусть Запад в XVII веке оставался для православной Московии еще во многом чужим, но его военно-техническое превосходство и цивилизационно-христианская близость с ним заставляла московских царей все больше перенимать его политический и культурный опыт.

Ситуация с титулатурой и самодержавной символикой качественно меняется в XVIII веке, когда в качестве ориентира и притягательного образа значимого «Другого», Россия на целые последующие века выбирает Запад. Более того в среде российских западников во власти все более крепло убеждение, разделяемое Петром I, что Россия является частью единой христианской Европы, только более отсталой частью, на границах восточного мира. Именно так сформулировал свои мысли один из деятелей петровской эпохи, Салтыков: «Русские во всем сходны с западными народами, но они от них отстали. Сейчас нужно вывести их на правильную дорогу»⁵. Выбор «правильной дороги» и способы достижения цели-догнать, а возможно и перегнать Запад для Петра I целиком и исключительно основывались на использовании западных политических и культурных традициях, технологиях, в том числе и в самодержавно-имперской символике и титулатуре. Официально Россия была объявлена империей в 1721 году после победоносной Северной войны. Петровское правление и стало той эпохой, с которой стала формироваться в России имперская идеология и имперское сознание молодой модернизирующейся по европейским лекалам страны. С этого времени, российский имперский проект получает мощное политическое и культурное обоснование и имеет тенденции к непрекращающейся экспансии.

Напомним, что свое правовое рождение (де-юре) и подлинное оформление эта империя приобрела в октябре 1721 года, когда Сенат преподнес Петру I титулы Императора Всероссийского, Отца Отечества, Петра Великого. Следует также отметить, что само объявление и провозглашение Петра императором, титулом самым высшим в европейской титулатуре, адресовалось в первую очередь Европе. Поскольку именно Европа была выбрана эталоном проводимой модернизации в стране, носившей характерные черты европеизации.

По мнению целого ряда исследователей, знаки и символы торжественной церемонии принятия императорского титула в России ведут к античным образцам имперских коронаций в Древнем Риме и одновременно к традициям Византии. Таким образом, первый российский император, Петр пытался совместить две имперские традиции: римскую и византийскую⁶. В то время как ордынская политическая традиция «белого царя-хана» присутствовала лишь в обращении царского двора к тюркским и мусульманским народам.

С одной стороны, Петр стремился добиться признания от европейских держав, то есть преодолеть чувство цивилизационной неполноценности по отношению к Европе. С другой стороны, возведя в ранг второго императора в Европе (после императора Священной Римской империи), он продемонстрировал свою равновеликость, и даже поставил Россию выше других европейских империй, таких как Британская, Французская, Испанская, где монархи не имели императорского титула⁷. Этому во многом способствовала победа над сильнейшей военной державой в Европе - Швецией. Императорский титул российским монархам теперь обеспечивал не только поднятие авторитета российского престола и возрастание державной мощи страны, но главное, новый титул должен был «обслуживать» внешнеполитические амбиции России, как на западных, так и на восточных ее направлениях⁸.

Начиная с Петра I, российские власти все больше осваивают европейскую цивилизационную модель, совсем отбросив ордынскую модель в качестве образца и формируя в стране новую западную идентичность. На практике это получается далеко нескладно и гибридообразно:

православная идентичность, с остатками «ордынства», была только потеснена рациональной светской европеизированной идентичностью и абсолютистской идеологией. Это видно на примере титулатуры. Сошлемся на известного культуролога Б.А. Успенского: «Приняв титул императора, Петр I, сохранил за собой также и титул «царь», однако этот титул оказался ограниченным в своем употреблении. Согласно указу 11 ноября 1721 года русский монарх именовался «императором и Самодержцем Всероссийским, Московским, Киевским, Владимирским, Новгородским, Царем Казанским, Царем Астраханским». Как видим титул «царь» сохранился в отношении тех владений, которые ранее возглавлялись татарскими «царями», т.е. ханами... Тем самым принятие императорского титула актуализировало ассоциацию титула «царь» со словом «хан». Как мы помним, в свое время на Руси «царем» называли как византийского императора, так и татарского хана»⁹. Таким образом, мы наблюдаем противопоставление западной традиции императорской титулатуры, которая во времена Петра становится доминирующей в репрезентации европеизирующейся российской власти, традиционной, восточной царской титулатуре, которая остается для репрезентации центральной власти на восточных окраинах империи. По мнению Майкла Чернявского такой идеологический сплав титулатур является следствием противоречивого синтеза разных исторических традиций. «Все эти образы (образ хана, римского императора и единственного православного суверена) сосуществовали одновременно, не противореча, а взаимно укрепляя друг друга»¹⁰.

Таким образом, противопоставление титулатур: императорской и царской, как и их функциональное использование, внутри страны исходя из наличия разнородных, в этноконфессиональном отношении окраин империи было далеко не случайным. Рожденная победой в тяжелейших войнах и захватах территорий, как на западе, так и на востоке, российская империя сильно отличалась от своих имперских собратьев, как Запада, так и Востока. От европейских империй ее отличало, во-первых, фактическое слияние власти и собственности в руках государства и вмешательство государства во все сферы жизнедеятельности общества – вотчинно-государственная система. Во-вторых, отсутствие четких границ между властной метрополией и колониями. Например, куда отнести Поволжье, к метрополии или к колонии? Невозможно представить, чтобы русский народ выполнял в российском государстве какую-либо роль господствующего народа над включенными в состав империи этносами и социальными группами. Можно ли было вообще найти в России территорию или народ, которая/ый бы выполнял/ла роль метрополии и жила бы за счет своих колоний? Думается, что ответ был бы однозначный - нет. Империи подобного типа в научной литературе принято называть континентальными. В-третьих, и в XVIII и XIX веках в российской империи не было господствующего имперского народа метрополии (например, русского), а эту роль выполняла во многом космополитичная по своему составу, но культурно русифицированная имперская элита (императорская семья, бюрократия и поземельное дворянство). Причем в ее состав, зачастую инкорпорировались представители местных элит завоеванных провинций и окраин.

Российская империя в тоже время отличалась и от империй Востока, например, Османской и Цинской империй. Главным отличием здесь выступала последовательная (на протяжении нескольких веков) политика вестернизации страны правящей династии и европеизированной элиты. Европа-Запад был избран в качестве эталона и образца для подражания. Во-вторых, к этому следует также добавить и европеизированную имперскую идеологию и титулатуру. В-третьих, со второй половины XVIII века, российская власть по аналогии с европейскими империями, активно стала проводить на своих восточных окраинах цивилизаторскую миссию.

Исходя из сочетания западных и восточных элементов, не будет большой бедой назвать российскую империю евразийской. Тем более что этот термин уже прижился и очень многие историки, как российские, так и зарубежные его используют. И хотя это название имеет в основном геополитический смысл, тем не менее, его можно употреблять и в более широком смысле. Промежуточность между Западом и Востоком, наличие в российской империи смешанных черт отмечают многие исследователи. По мнению историка Е.Н. Марасиновой российская евразийская держава, «...соединяло в своем социальном развитии как черты «восточной деспотии», так и европейского абсолютизма, которые, причудливо переплетаясь, создали неповторимый облик Российской империи...»¹¹. Американский социолог С.Н. Айзенштадт относит российское государство XVIII века к разряду «исторических бюрократических империй», т.е. стран, находящихся на той или иной стадии перехода от традиционного общества к модернизированному¹². Последнее утверждение в какой-то степени

снимает биполярную цивилизационно-культурную оппозицию Восток-Запад и переводит ее в стадиальную оппозицию традиция-модернизация.

Все эти объяснения показывают стремление описать и осмыслить уникальность Российской империи сочетающие в себе черты и западной и восточной империи, традиционного и модернизирующего государства которое отличало Россию как от большинства европейских так и азиатских держав того времени.

Имперская модель управления заимствованная с цивилизационно более продвинутой Европы в России стала проводником западной модернизации, как в российском центре, так и на ее азиатских окраинах. По мнению Владимира Кантора, роль империи в России, заключала в себе борьбу цивилизации с варварскими смыслами внутри своей культуры и с варварскими окраинами. При всем этом, империя создавала правовое пространство, несла просвещение и устанавливала общую наднациональную цель разным социальным слоям и народам огромного пространства этой империи¹³. Такое понимание цивилизаторской миссия Российской империи на огромных пространствах азиатских окраин во многом объясняется влиянием европейской просветительской идеологии. Европейская просветительская идеология с установками на цивилизаторскую миссию Европы по отношению к незападным культурам в XVIII века целом усваивается императорской Россией. Это в свою очередь меняет отношение ее к Востоку в целом. В противопоставлении варварскому и отсталому Востоку и «азиатам» европеизирующаяся Россия тем самым все больше укрепляет свою европейскую идентичность, но существует проблема с признанием «европейскости» России самой Европой. Здесь ситуация намного сложнее. Интересно отметить, что большинство европейских держав не сразу признали за российскими царями императорского титула. Так, когда Петр I при праздновании победы над шведами в Северной войне, принял в 1721 г. титул императора, многие европейские монархи открыто этим возмущались, особенно Габсбурги. Поэтому Австрия и Великобритания признали новый титул в 1742 году, а в Франция- в 1744-м¹⁴.

Во многом подражательная по своему характеру культура русского дворянства у европейцев во многом вызвала лишь усмешки и даже неприязнь. И поэтому, несмотря на все «офранцузивание» русского чиновничества и дворянства, последним, в Европе отказывали в природной европейскости и равенстве с собой. На эту тему, указывая на противоречивую и конфликтную проблему самоидентификации русских дворян того времени, у себя на родине и за границей, блестяще высказался В. Ключевский который составил незабываемо гротескно точный портрет русского дворянина того времени. «...Чужой между своими, он старался стать своим между чужими и, разумеется не стал: на Западе, за границей, в нем видели переодетого татарина, а в России на него смотрели, как на случайно родившегося в России француза. Так он стал в положении межеумка, исторической ненужности...»¹⁵. Таким образом, несмотря на все старания и ухищрения, «своим» русский европеец на Западе так и не стал и зачастую оставался объектом насмешек европейцев своей подражательной «европейскостью».

Но главное было в другом. В Европе, по прежнему, российский полудеспотический режим, с чуждым европейскому христианству миром православной культуры и «полудикими» крестьянами, характеризовался как «варварский», или, что вернее, «полуварварский», не отвечавший европейским стандартам. Претензии России на право называть себя европейской державой никто не воспринимал всерьез, слишком бросалась в глаза «инаковость» России, чтобы ее можно каким-то образом, подретушировать французоманией русской элиты и имперским декорумом Петербурга. Очень горько становилось русским западникам когда они знакомились с чтением западных авторов о России того времени: «Русский воин – варвар и разоритель»; «воровство - порок, неотделимый от управления русской нацией» (Ш. Массон. Секретные записки о России); «славянские народы занимают на земле больше места, чем в истории» (И.Г. Гердер. Идеи к истории человечества); «в Восточной Европе мы находим огромную славянскую нацию... Однако вся эта масса исключается из нашего обзора потому, что она до сих пор не выступила как самостоятельный элемент в ряду проявлений разума в мире» (Гегель. Философия истории)¹⁶. Причем надо отметить, все эти сентенции написаны задолго до появления печальной знаменитой книги о России маркиза де Кюстина, которая по своим «обличениям» николаевской России вызвала и на Западе и в России, эффект «разорвавшейся бомбы».

Итак, какой была в глазах Запада Россия того времени? И здесь мы сталкиваемся со следующим парадоксом: имперская Россия, исходя из системы общеевропейской безопасности, после Семилетней войны 1756-1763 годов, с одной стороны, воспринималась Европой в качестве своей составной части, но, с другой, в силу своего исторического прошлого, своей «азиатскости»,

выражаемой в сохранении полудеспотичной власти, воспринималась Европой, скорее как европеизирующийся Восток, или Еще-Не-Европа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соболева Н.А. Имперская идея и российская символика власти (XI-XVI вв.)// Российская империя: от истоков до начала XIX века. – М., 2011. С. 582, 588-589.
2. Трепавлов В.В. Восточные элементы российской государственности (к постановке проблемы)/ Россия и Восток: проблемы взаимодействия. В 2 частях. Ч.1. Институт востоковедения РАН. – М., 1993. С.46-47.
3. Ерофеева И.В. Русская имперская идея в истории (к проблеме западно-восточного культурно-идеологического синтеза)/ Россия и Восток... Ч.2. С.270-271.
4. См. Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления у народов России XV-XVIII вв./М. 2007. С46-53..
5. Цит. по Уткину А.И. Вызов Запада и ответ России. – М. 2002. С.88.
6. См. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии // Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 8. – М.: ОГИ, 2002.-Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I; Владимир Кантор. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – М.2009.
7. Рикарда Вульпиус. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке// Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917). – М. 2010. С.19.
8. Е.Н. Марасинова. Имперская доктрина российского самодержавия в XVIII веке//Российская империя: от истоков до начала XIX века... С.686.
9. Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. – М. 2000. С.49-50.
10. См. Р.Г. Суни. Империя как она есть: имперский подход в истории России, национальная идентичность и теории империи. //Национализм в мировой истории/ под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана; институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. 2007. С.53.
11. Марасинова Е.Н. Имперская доктрина российского самодержавия в XVIII в. // Российская империя: от истоков до начала XIX века... С.723.
12. Там же.
13. Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – М. 2009. С.537.
14. См. И.Б. Нойманн. Российское стремление к великодержавию: как Россия добивалась признания Европы./Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. – М. 2008. С.163.
15. Ключевский В.О. Курс русской истории. Т.V. – М. 1988. С. 167.
16. Цит. по^ Алексей Песков. О национальной ревности великороссов / Космополис № 2. Зима 2002/2003. С.15.